

Память сердца

Татьяна ВАРНЕК

ВОСПОМИНАНИЯ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ (1912–1918)*

Глава 11. РИЖСКИЙ ПЕРЕДОВОЙ ОТРЯД

Осенью, 29 сентября 1916 года, Ксения Исполатова и я были назначены в Рижский передовой отряд Красного Креста, в Галицию. Вскоре после нашего приезда в отряд его перевели в Киев. Перед Рождеством мы обе и часть отряда были спешно отправлены в Румынию, в Текуч. Рождественскую ночь провели, сидя в тесном купе вагона, у окна стояла елочка, которую мы взяли из Киева. Приехали в Текуч в самый разгар отступления румынской армии. Когда добирались к месту нашего жительства, навстречу шли толпы солдат, ехали офицеры, многие из них сидели на возах с мебелью и вещами, ничего общего с военными не имеющими.

На другой день мы начали помогать в одном русском госпитале, переполненном ранеными. Ходить

было довольно далеко. Жидкая грязь заливала улицы, и мы могли пробираться только благодаря большим сапогам, а сестру Мару Сильвень санитары перетаскивали на руках, так как у нее не было сапог. Проработали там всего несколько дней, а затем нам сообщили, что приходит с фронта санитарный поезд и мы должны перейти на него. Это оказался румынский санитарный поезд «Trenul Sanitar Trizeccinove» — одни теплушки без печек, со всеми разбитыми окнами, конечно, без отопления, с открытыми площадками, и совсем холодный. 31 декабря все было приготовлено к отправке на поезд: чемоданы уложены, все в пальто, елочка на столе. Стоя дождались 12 часов ночи, выпили по стакану вина и пошли грузиться.

В это время нагрянули морозы. Поезд, который пришел с фронта, был переполнен ранеными, исключительно русскими, лежащими пря-

* Окончание. Начало см. «Новосибирск», 2015 № 2, с.36.

мо на полу. Их не сопровождал даже санитар! Работать начали дружно: убрали умерших от ран и замерзших; постепенно поставили печки, сделали нары. Рейсы были очень тяжелые: сильнейший мороз, часто пути заносило снегом. Спали, не раздеваясь, в спальнях мешках. Воду для умывания оттаивали на примусе.

Часто бывали крушения, но, слава Богу, небольшие. Больше всего пережили во время рейса Текуч — Галац — Рени и обратно вдоль линии фронта, где мы должны были подбирать раненых. На обратном пути, между Рени и Галацом, попали под страшный обстрел из тяжелого немецкого орудия. Поезд шел совсем медленно по насыпи, с двух сторон болото. С левой стороны, за болотом и рекой горы, откуда стреляли немцы. Снаряды рвались то с одной, то с другой стороны полотна. Громадные столбы воды и грязи взлетали кверху. Мы, сестры, все трое сидели вместе. Было жутко, но красиво! Санитары, румыны, все убежали под насыпь, и многие на поезд больше не вернулись. Проехав опасное место, мы вздохнули, но на вокзале Галаца, который все время обстреливался, было «жарко»: пробило одну теплушку. Мы, три сестры, были представлены к Георгиевским медалям. Начальник отряда через некоторое время нас поздравил, сказав, что на днях получим бумаги, но из-за начавшейся революции мы их так и не получили.

В начале февраля 1917 года Ксения и я заболели сыпным тифом. Лежали в Яссах — в Евгениевском госпитале, в отдельной комнате, за нами ухаживали наши сестры и мать Исполатовой, приехавшая из Петербурга. Тиф был не тяжелый. Больными, в полусознательном состоянии, мы узнали об отречении Государя. Были очень подавлены, плакали. И только одна сестра, Ася Языкова, казанская помещица, пришла от этой новости в восторг, спорила со всеми, очень скоро бросила отряд и уехала к себе в имение — «делить землю».

Вскоре мы начали поправляться. Революция еще не чувствовалась. Наш отряд стал тут же, в Яссах, где его силами формировался прекрасный санитарный поезд, из пульмановских и международных вагонов. Старшей сестрой должна была быть Великая Княгиня Виктория Федоровна, сестра румынской королевы. Кроме поезда отряд организовал около вокзала питательный пункт для румынского гарнизона. Он был устроен в двух громадных палатках, в которых стояли столы со скамейками. Пища варилась в поезде — жирный густой суп с куском мяса, каша, хлеб. На открытие прибыла сама королева со всей свитой. Одетая она была очень скромно, во все черное. Но офицеры свиты произвели ужасное впечатление: затянутые в корсеты, напудренные и даже с подмазанными губами!

Пищу разливала я: все было приготовлено прекрасно, но забыли длинную разливательную ложку (черпак), поэтому я черпала кастрюлей, вследствие чего первые солдаты получили довольно жидкий суп. Королева немного опоздала, и, когда я ей дала пробу, у нее оказался чудный густой суп, который она очень похвалила. Потом обошла столы, внимательно рассматривая, и, когда вернулась ко мне, смотрела, как я разливаю. Наконец улыбнулась и сказала: «Теперь я поняла — у вас нет разливательной ложки!» Говорила она с нами по-французски. На другой день ложку достали!

Вскоре после этого в отряде начались беспорядки, появился какой-то комиссар, прапорщик Куровский, грозил арестами. Мы думали работать дальше, но дела становились все хуже и хуже. Постепенно все начали разъезжаться. Ксения уехала раньше, вскоре после выздоровления (30 апреля 1917 года). Я же — с одной из последних групп. Очень трудно было расставаться с родным отрядом, который мы так любили и где так дружно жили и работали.

Глава 12. С ВОЕННО-САНИТАРНЫМ ПОЕЗДОМ

По возвращении в Петербург (9 мая 1917 года) мы обе с Ксенией вскоре получили назначение в госпиталь на Васильевском острове в помещении Патриотического института. Жили мы там, у нас была хорошая отдельная комната. Сначала и работа, и наша жизнь шли довольно нормально. В это время «царил» Керенский, он говорил речи о продолжении войны, призывал всех идти на фронт!

Но очень скоро начался развал: сестер стали притеснять, кормить отвратительно, вследствие чего Ксения заболела дезинтерией. Ее увезли домой. Я 27 сентября 1917 года тоже ушла, но скоро получила назначение в 604-й военно-санитарный поезд. Меня назначили перевязочной и операционной сестрой и поместили жить в перевязочный вагон, прекрасно оборудованный. Я была полная хозяйка в своем вагоне и совсем одна, чему страшно радовалась. Персонал поезда был мне совсем незнаком, все они сжились между собой, и общего у меня с ними ничего не было. Старший врач — еврей Цацкин, прекрасный врач, очень энергичный, часто приходил в перевязочную, работал быстро и умело. Был требовательный, но у нас с ним были прекрасные отношения. База нашего поезда была Великие Луки: стоянка унылая!

Боев почти не было: фронт разваливали! Когда нас вызывали грузиться, мы получали очень легко раненных, а больше всего симулянтов. Рейсы совершали от Режицы, немного дальше и обратно в Петербург, через Псков, или на Москву. Очередной раз в Москву прибыли на другой день после большевицкого переворота. Мы ничего не знали. Разгрузились и пошли гулять. Знали, что накануне были стрельба, беспорядки, но не обратили на это никакого внимания. Я, как всегда, пошла одна. Решила посмотреть Кремль. Прошла Красную площадь, вхожу в ворота, меня

останавливает часовой и спрашивает пропуск, которого у меня, конечно, не было, да я и не поняла, в чем дело. Объяснила человеку, что я приехала с санитарным поездом и хочу осмотреть Кремль, поэтому прошу меня пропустить. Солдат оказался симпатичным, на мое счастье. Он мне ответил: «Сестрица, впустишь-то я тебя впусти, а оттуда тебя не выпустят. Уходи-ка лучше поскорее!» Тут только я начала соображать, что дело неладное, и поторопилась уйти.

После большевицкого переворота в команде стало беспокойно: санитары отказывались работать, возражали, предъявляли требования, многие просто уезжали. Старший врач не потерялся, он предложил всем недовольным уехать, а на их место тут же, в Великих Луках, нанял вольнонаемных баб: желающих оказалось много. Их поселили в командный вагон, надели на них белые халаты, повязали головы белыми платками и распределили по работам. Платили и кормили хорошо, но доктор заставил их подписать условие: за первые два проступка — выговор и штраф, а за третий — высаживание из поезда на ближайшей станции, в какой бы части России это ни случилось. Строг был Цацкин с ними очень: гонял и заставлял работать.

В начале 1918 года наш поезд вызван был в Петербург, для обмена военнопленных инвалидов. В Петербурге мы погрузили австрийцев, венгров и несколько турок. Мне дали вагон с офицерами, но их из-за предосторожности всех поместили в отдельный солдатский вагон, а в офицерский положили тяжелых лежачих инвалидов. Работы было мало, но, проводя весь день в вагоне, я привыкла к раненым и со многими даже подружилась. Особенно симпатичная была венгерская компания: венгры много говорили о событиях в России, ничего хорошего не предвидели, и некоторые из них дали мне адреса, говоря, что, когда у нас будет совсем плохо, я могу к ним приехать, и они мне помогут. Тогда

я всему этому не верила еще, но они оказались правы.

Поезд наш пустился в путь под датским флагом, и с нами ехал атташе датского посольства. Обмен должен был произойти в Бродах, на границе Галиции. Выехали мы очень довольные, думая сделать приятное путешествие и вернуться обратно недели через две. Но не тут-то было! Только до Брод мы ехали ровно месяц! Само путешествие в прекрасном поезде при нетрудной работе было одно удовольствие. Но разруха в стране, разные фронты, перерезанные пути доставляли нам много волнений и даже жутких моментов.

До Москвы мы доехали благополучно и собирались таким же образом следовать дальше, но оказалось, что прямой дорогой на Киев по каким-то причинам ехать нельзя. После тщетных попыток добраться до Киева, ползая вперед и назад, было решено оставить его в стороне и ехать просто на юг. Добрались до Елизаветграда. На вокзале грязь и беспорядок страшные! Везде разбитые ящики, бумаги, обломки. Вид у всех растерянный! Оказалось, накануне сделала налет на станцию Маруся Никифорова со своей шайкой. Разграбили что могли!

С огромными трудностями мы доехали до станции Винница, где нас ждали уже с чудным обедом для инвалидов и для нас. Дальше поехали уже спокойно. Поразило нас обилие продуктов, чистота, порядок на станциях. Предвидя возвращение в голодный Петербург, мы стали закупать все, что могли, — муку, сахар, крупу, а позднее яйца и масло. Все это каждый прятал в своем купе. Моя койка поднималась, и под ней было нечто вроде ящика, во всю длину и ширину кровати. Там я и устроила свой склад. После Винницы ехали уже быстрее.

И вот мы в Бродах. Тепло распрощались с нашими инвалидами, с которыми провели месяц в разных передрыгах. Их перегрузили в австрийский поезд, и они уехали. К нашему большому удивлению, наших

русских инвалидов еще не было. Пришлось ждать три дня в Бродах. Провели мы их хорошо. Нам была дана полная свобода: мы гуляли, ходили даже в кинематограф и, конечно, все время были в форме. Чувствовали себя странно во вражеской стране, окруженные австрийцами в форме.

Наконец пришел поезд с нашими. Впечатление тяжелое: сравнить их с австрийцами и венграми было нельзя — худые, изможденные и страшно нервные. Поначалу у нас с ними возникли натянутые отношения. Нам тяжело было осознавать, что мы не можем их встретить ни радостно, ни торжественно, как это бывало до революции, когда их встречали с музыкой и обедами, а повезем их в полную неизвестность, в разруху и голод.

Обратно мы ехали вдоль западной границы. Путешествие прошло спокойно, если не считать серьезного осложнения в Ровно, от которого нас спас наш датчанин: город Ровно в этот момент был занят германцами. Вскоре после того, как мы остановились на вокзале, пришел от немцев приказ: в 24 часа сдать кассу, оставить поезд, взяв с собой только по небольшому чемодану, и отправляться на все четыре стороны. Ни то, что это санитарный поезд Красного Креста, ни то, что он везет инвалидов из плена, не принималось во внимание, и, не будь с нами датчанина, — все бы мы оказались на рельсах!

Обратный путь длился ровно две недели.

Глава 13. ОТКОМАНДИРОВАНЫ-ВАЮСЬ ДОМОЙ

В Петербурге на Варшавском вокзале сдали инвалидов и узнали, что наш поезд отбирается от Красного Креста и переводится в Красную армию. Я сразу же заявила, что больше работать не буду (откомандировалась 15 апреля 1918 года) и что хочу ехать к родным. Но надо было из поезда перебраться домой. Кроме вещей, у

меня были продукты: по пуду муки, сахару, немногим меньше пшена, масло, яйца, творог... Наша квартира была на Суворовском проспекте, в противоположном конце Петербурга, и в это тревожное время она стояла закрытая. Я решила остановиться у моей тети Кобылиной, служившей во Вдовьем доме, около Смольного, недалеко от Суворовского. У нее была квартира в две комнаты и кухня, и она с радостью меня приняла.

Трамваи ходили редко и не везде. Тетя дала мне в помощь свою горничную, верную девушку, и начались наши «хождения по мукам»! Личные мои вещи доставить было легче, так как не страшны были обыски; мы, где могли, садились на трамвай, но путешествий сделали несколько. А когда начали носить продукты, дело пошло хуже. Складывали их в чемодан и, делая вид, что они легкие, шагали сперва от вокзала по железнодорожным путям, так как поезд загнали очень далеко, а затем через весь город. В трамваи садиться боялись и почти всю дорогу шли пешком. Но обе были молоды, и желание сохранить продукты давало нам силы.

Почти все я отдала тете, у которой кормилась, только небольшую часть поделила между остальными своими тетями: они уже так изголодались, что плакали, получая от меня по несколько яиц, немного муки, сахару. Питались мы с тетей тем, что на нас отпускал Вдовый дом. Ужасная бурда, и очень мало, хлеба малюсенький кусочек, с соломой и совершенно неудобоваримый. Но, благодаря моим продуктам, не голодали. Я приехала перед Пасхой. Ради праздника всем жителям Петербурга дали по селедке! А я привезла немного творогу, так что у нас был настоящий пасхальный стол.

Как только я поселилась у тети Мани, сразу же решила, что надо ликвидировать квартиру и ехать к родителям в Туапсе. Ни совета, ни разрешения от папы и тети Энни я получить не могла. Уже более полугодя

не имела от них вестей и решила всё взять на себя: я видела, что революция углубляется, ни о каком возвращении в Петербург не может быть и речи. Начались обыски, реквизиции или просто грабежи. К тому же летом кончился контракт на квартиру, а возобновлять его было некому. Поэтому я решила раздать на хранение всем родственникам ценные и памятные вещи, остальное продать и деньги отвезти в Туапсе, правильно предполагая, что наши там нуждаются.

Работа закипела. Одновременно с ликвидацией квартиры я стала узнавать, каким путем можно добраться до Туапсе и как получить право на выезд из Петербурга. Тогда разрешали выезжать только детям и старикам. Знаю, что кое-кому удалось уехать в провинцию, что стало с другими — не известно. Беготни и хлопот было много. Я узнала, что армянам и грузинам разрешают ехать на родину и даже дают поезда. Пыталась устроиться с ними, под видом, что я с Кавказа. Сначала думала, что удастся, но потом отказали, и надо было снова что-то искать. Поезда ушли, но потом я узнала, что их останавливали по дороге, грабили и многих расстреляли.

Неожиданно встретила со знакомой барышней, нашей дальней соседкой в Туапсе, Верой Безкровной, которая тоже стремилась уехать. Хотя мы мало знали друг друга, решили действовать сообща и ехать вместе. Наконец мне повезло: я в каком-то военном учреждении получила, как сестра, бумагу о демобилизации (это было очень модно и даже почетно) и разрешение ехать на родину на Кавказ. Вере тоже удалось достать какую-то бумажку. Тети мои пришли в неописуемый ужас и уговаривали не делать этого безумия и никуда не ехать. Но я ни минуты не колебалась и с еще большей энергией бегала и хлопотала. Однако при всем желании ни Вера, ни я не могли узнать, что нас ожидает в дороге и каким путем ехать. Все, что нам удалось выяснить, это то, что прямой дороги на юг нет и

единственный способ ехать — это по Волге до Царицына, а дальше, если все будет благополучно, можно поездом через Тихорецкую доехать и до Кавказа.

Глава 14. ДОРОГА НА КАВКАЗ

Вещей взяли мало, чтобы они не мешали, и с таким расчетом, что если придется от Царицына идти пешком, то оставить себе небольшой мешок за спиной, а остальное распродать. Выехала я с деревянным солдатским сундучком, чтобы можно было на нем сидеть. Ехала в форме, как демобилизованная. Деньги, вырученные за продажу мебели, зашила в свой красный крест вместо картона и, как полагаются, приколола английскими булавками на передник. В общем, везла их на самом видном месте.

На вокзале с боем втиснулись в поезд. Сначала ехали на площадке, конечно, стоя, потом новые пассажиры протолкнули нас дальше. Ехать было ужасно. Стояли придавленные друг к другу. Окна все разбиты, грязь, руготня... Наконец мы добрались до Казани и там сели на пароход, где получили каюту, которая, как и все на пароходе, была в самом жалком состоянии: В каюте были две жесткие пустые койки и больше ничего. Но мы были счастливы, что так устроились. Питались в каюте, готовя пищу на спиртовке, которая стояла на полу между койками. Народу ехало немного, и почти все пассажиры разместились по каютам.

Но вот на какой-то остановке на пароход ввалились красноармейцы, вооруженные до зубов! Они момен-

тально, угрожая винтовками, выгнали всех пассажиров на палубу и забрались в каюты. Когда они стали стучаться к нам, я, хоть и с большим страхом, открыла дверь, вышла в полной форме и объявила, что я демобилизованная и еду на родину с фронта. Моя бумага с печатями какого-то военного учреждения из Петербурга производила впечатление: нас оставили в покое и относились ко мне с уважением! Так мы доехали до Царицына, где должна была решиться наша дальнейшая судьба.

Сразу же побежали за справками и узнали, что поезда не ходили в течение трех недель, но вечером будет первый поезд на Тихорецкую. На вокзале творилось что-то ужасное: за три недели набралось невероятное количество народа. Все это сидело, лежало на полу, в грязи и тесноте, ожидая возможности выехать. Вскоре мы узнали, на каком пути стоит эшелон, и побежали туда. Не знаю почему, но многие из ожидающих туда не пришли — не знали? Так что народу грузилось хоть и много, но без боя!

В Тихорецкой выгрузились, поезд ушел, а мы остались на пустой станции. Там узнали, что никаких поездов на Кавказ нет. Было обидно, так как мы застряли уже недалеко от цели. Но и тут нам повезло! Совершенно неожиданно появился состав пустых цистерн, идущих в Баку. Мы забрались на тормоз одной из них и покатали. Погода была чудная, весна, запах зелени, красиво и даже весело. Так доехали до Армавира, где нашли пассажирский поезд, который и довез нас до Туапсе. Каким образом я добралась до Москалевки — не помню.